

Знать врага: Понимание конечных глобальных политических целей России

Гинтарас Багдонас

Балтийский институт передовых технологий, Вильнюс, Литва,

<https://www.bpti.eu/>

Аннотация: В статье утверждается, что действия России по отношению к НАТО, Европе и Украине не являются рефлексией или эпизодом, но отражают последовательную долгосрочную стратегию, направленную на восстановление имперской мощи и перестройку международного порядка. В ней отмечено, что западные политики часто неверно интерпретируют действия России, что приводит к запоздалым или недостаточным ответным мерам. Опираясь на геополитический анализ, идеологические принципы и официальные доктрины России, в статье показано, что Кремль преследует конкретную политическую цель: восстановление доминирования на постсоветском пространстве, расширение влияния по всей Европе и продвижение многополярной системы, ограничивающей доминирование либерального Запада. Война России против Украины в этом проекте восстановления имперской мощи рассматривается как главный стратегический инструмент, а не самостоятельный конфликт. Анализ раскрывает системное использование военной силы, гибридной войны, энергетических рычагов, дипломатии и идеологических нарративов для достижения этих целей. Признание этой стратегической целостности важно для эффективного сдерживания и долгосрочного планирования безопасности Запада.

Ключевые слова: внешняя политика России, возрождение империи, война с Украиной, многополярный миропорядок, Доктрина Примакова, «Русский мир», гибридная война, европейская безопасность, страна-реваншист.

Вступление

*Если ты знаешь врага и знаешь себя, тебе нечего бояться
результата ста битв. Если ты знаешь себя, но не знаешь врага,
за каждую одержанную победу ты потерпишь поражение. Если
ты не знаешь ни врага, ни себя, ты падёшь в каждой битве.*

— Сунь-цзы, «Искусство войны»

Многие западные политики, эксперты по безопасности и обороне, а также представители разведслужб открыто говорят о росте российской угрозы для стран НАТО и Европы. Однако в действиях России, в частности, в Украине, Грузии и Сирии, часто ошибочно видят приспособление к ситуации или реакцию на неё. Страны НАТО заключили, что «Российская Федерация представляет собой наиболее значительную и прямую угрозу безопасности союзников, миру и стабильности в евроатлантическом регионе».¹ Противник назван, но – вспоминая Сунь-цзы – знаем ли мы его?

Действительно ли эта консенсусная оценка угроз НАТО в достаточной мере отражает реальное понимание западной политической элитой целей Кремля, особенно с учётом противоречивых взглядов, особенно в Вашингтоне, на перспективы прекращения войны в Украине? Примером на момент написания статьи может служить позиция президента США и её отражение в заявлениях сенатора Линдси Грэма,² который выступал за санкции против России и военную помощь Украине, но одновременно поддержал мирные предложения, предполагающие территориальные уступки России. В целом, оценивая инициативу президента США по мирным переговорам между Россией и Украиной, можно предположить, что Белый дом воспринимает агрессию России как реакцию на ситуацию, а значит, как предмет переговоров, а не элемент долгосрочного стратегического подхода к исходящей от России угрозе.

В более широком плане недостаточная и зачастую запоздалая политическая, военная и экономическая поддержка Украины странами Запада для защиты от российской военной агрессии также свидетельствует о непонимании нужного Кремлю политического итога. Понимание империалистических целей России и желаемого политического результата важно, поскольку стратегическая ясность является первым условием эффективной обороны и сдерживания.

В этой статье мы исходим из тезиса о том, что Россия стремится к долгосрочному политическому результату – восстановлению имперского насле-

¹ “NATO 2022 Strategic Concept,” NATO, updated March 3, 2023, www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm.

² Lindsay Wise, Michael R. Gordon, “Trump Ally Lindsey Graham Pushes Russia Crackdown,” *The Wall Street Journal*, April 30, 2025, <https://www.wsj.com/politics/policy/lindsey-graham-russia-sanctions-tariffs-bill-2b3922ee>.

дия, влиянию на Европу и реорганизации мировой системы в многополярную. Стратегия достижения этого конечного результата последовательна и подкреплена доктриной, политикой и стратегическими мероприятиями.

После Холодной войны и распада СССР в 1991 году роль России в мире резко изменилась – от сверхдержавы двуполярного мира, соперничающей со США, к стране, переживающей политические и экономические потрясения. 1990-е годы были отмечены внутренней нестабильностью, экономическими трудностями и снижением влияния на мировой арене. В то время Россия стремилась к более тесным связям с Западом, включая сотрудничество с НАТО и Европейским Союзом.

Однако начиная с начала 2000-х годов, при Владимире Путине, Россия начала вновь утверждать себя в качестве великой державы. Воодушевлённый ростом цен на энергоносители и минеральные ресурсы, а также укреплением режима внутри страны, Кремль проводил агрессивную внешнюю политику. Вот её основные вехи:

- Противодействие расширению НАТО и ЕС, особенно в постсоветских странах;
- Войны, военная интервенция в Украине, Грузии и Сирии;
- Развитие союзнических и партнёрских отношений с такими странами, как Китай, Иран, Северная Корея и др.;
- Попытки ослабить Запад при помощи гибридных атак, включая кибер-операции, дезинформацию, политическое вмешательство, а также диверсии и убийства;
- Экспансия в Африке с целью получения доступа к полезным ископаемым и природным ресурсам.

В 2000-2008 гг. в России стал проявляться реваншизм – она бросила вызов сформированному Западом международному порядку и выступила за многополярный мир, одновременно стремясь усилить свою мощь и влияние на другие страны, особенно в Европе и соседних государствах Евразии. Война с Украиной лишь усилила её антагонизм с Западом и зависимость от незападных союзников.

Политические взгляды России

Для понимания долгосрочных целей Кремля прежде всего стоит рассмотреть комплекс методов и инструментов, используемых Россией для реализации своих политических амбиций. Согласно исследованиям Грэема Хёрда, Россия реализует свои стратегические цели, сочетая геополитическую расчётливость, гибкую дипломатию и асимметричную тактику.³ Стратегия Кремля прагматична и, как утверждает Хёрд, часто неидеологична.

³ Graeme P. Herd, "Understanding Russia's Global Reach," in *Russia's Global Reach: A Security and Statecraft Assessment*, ed. Graeme P. Herd (Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall European Center for Security Studies, 2021), 1-8, www.marshallcenter.org

Она направлена на восстановление статуса великой державы, влияние на соседние страны и продвижение многополярного мирового порядка, вопреки доминированию Запада. Это достигается посредством гибридной войны, создания буферных зон, манипулирования международными нормами и партнёрства с незападными странами, используя региональные уязвимости и применяя силу даже за пределами её экономического влияния.

Кремль поставил и реализует чётко определённые политические цели, о чём свидетельствует ряд официальных заявлений и выступлений, в первую очередь – президента России Владимира Путина и экс-президента, нынешнего заместителя главы Совета безопасности Дмитрия Медведева. К ним относятся восстановление статуса России, как великой мировой державы, возобновление влияния на соседние страны и Европу, а также трансформация международного порядка в многополярный, при ограничении доминирования Запада. Этот взгляд агрессивно выразил Владимир Путин: он отверг сложившийся после Холодной войны порядок, заявив, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна», и осудив, как он сказал, «один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения ... мир одного хозяина, одного суверена».⁴ Эти амбиции ещё очевиднее в утверждении Медведева о том, что «Украина – это, безусловно, Россия ... Исторические части страны должны вернуться домой»⁵ – такое заявление отражает неприятие Кремлём суверенитета Украины и его более широкие реваншистские цели. Это не просто стремление, а целостный набор идей и политики, которые разрабатывались десятилетиями и основаны как на ностальгии по империи, так и на современных геополитических расчётах.

Базовую структуру этого политического курса разработал бывший министр иностранных дел (1996-1998) и премьер-министр (1998-1999) России Евгений Примаков, и его часто называют «Доктриной Примакова». Хотя официального документа под названием «Доктрина Примакова» нет, этот термин часто используют для описания основных принципов внешней политики России, разработанных в бытность Примакова главой российского правительства.⁶ Её принципы отражены в многочисленных речах, статьях и

lcenter.org/en/publications/marshall-center-books/russias-global-reach/chapter-1-understanding-russias-global-reach.

⁴ Президент России, Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 года, Мюнхен, www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034.

⁵ Andrew Osborn, "Putin Ally Says 'Ukraine Is Russia' and Historical Territory Needs to 'Come Home'," *Reuters*, March 4, 2024, <https://www.reuters.com/world/europe/putin-ally-says-ukraine-is-definitely-russia-rules-out-talks-with-zelenskiy-2024-03-04/>.

⁶ Marek Delong, "The Concept of Russian Federation Foreign and Security Policy by Eugene Primakov," *Internal Security* 12, no. 1 (2020): 307-318, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.3205>.

интервью. Доктрина Примакова заложила основы подхода России к внешней политике, основанного на восстановлении её статуса великой державы и преобразовании мирового порядка в многополярную систему, противостоящую доминированию Запада. По мнению Примакова, Россия должна ⁷:

- стремиться к многополярному миру на основе договорённости крупных держав, чтобы уравновесить одностороннюю мощь США;
- стремиться к лидерству в постсоветском пространстве и возглавить интеграцию в этом регионе;
- выступать против расширения НАТО;
- развивать партнёрство с Китаем и Индией в противовес влиянию США.

Принципы, сформулированные Евгением Примаковым, продолжают определять современную внешнюю политику России и закреплены в ряде законодательных актов, стратегических концепций и доктрин. Ниже мы рассмотрим отдельные примеры этих принципов.

Другой нынешний российский стратег внешней политики и советник Кремля, директор Совета по внешней и оборонной политике России Сергей Караганов подробно изложил свое видение роли России в мире и идеологических основ стратегического мышления Кремля. Караганов видит Россию «цивилизацией цивилизаций», утверждая, что стране суждено сыграть ведущую роль в формировании нового мирового порядка.⁸ Он подчёркивает, что Россия борется не только за свой суверенитет, но за освобождение мира от политического, культурного и экономического господства Запада.⁹

Следует отметить, что Сергей Караганов был советником президента в Кремле и при Борисе Ельцине, и при Владимире Путине. Он до сих пор считается близким к президенту Путину и министру иностранных дел Лаврову.¹⁰ Этот прокремлёвский политолог однозначно транслирует идеологию и стратегические взгляды Кремля. В интервью журналу *Le Grand Continent* (который называет его архитектором геополитики Путина) Караганов описывает динамику войны с Западом не как случайность, а как силу, отражающую «глубокие цивилизационные ценности». Он утверждает, что конфликт с Западом – это не только политическое и военное столкновение,

⁷ Eugene Rumer, “The Primakov (Not Gerasimov) Doctrine in Action,” The Carnegie Endowment for International Peace, June 5, 2019, <https://carnegieendowment.org/research/2019/06/the-primakov-not-gerasimov-doctrine-in-action>.

⁸ Sergey A. Karaganov, “From the Non-West to the World Majority,” *Russia in Global Affairs*, no. 5 (2022): 6-18, <https://karaganov.ru/en/from-the-non-west-to-the-world-majority/>.

⁹ Karaganov, “From the Non-West to the World Majority.”

¹⁰ Sergei Karaganov, “We Are at War with the West. The European Security Order Is Illegitimate,” Russian International Affairs Council (RIAC), April 15, 2022, <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/we-are-at-war-with-the-west-the-european-security-order-is-illegitimate/>.

но также цивилизационное и экзистенциальное: «*La guerre est dans les gènes des Russes*» («Война у русских в генах»)¹¹

По его словам, Россия должна стать «центром Евразии», связывающим политическую и экономическую мощь Запада и Востока, в том числе на основе партнёрства с Китаем и интеграции Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Один пояс, один путь».¹²

На практике одним из самых явных проявлений изменения внешней политики России и реализации принципов доктрины Примакова стало выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года. Там Путин произнес эпохальную речь, которую многие сочли поворотным моментом в отношениях России с Западом после Холодной войны. В ней он чётко сформулировал идеологические и стратегические взгляды, заложившие основу для более конфронтационного подхода России к НАТО, США и либеральному миропорядку.¹³ Со временем многие темы, затронутые в этой речи, нашли отражение в официальной российской политике, способствуя выработке доктрин и стратегий, определяющих нынешнюю внешнюю политику Кремля.

Представления о будущем России предполагают восстановление её статуса великой мировой державы, усиление влияния на соседние страны и переформатирование международного порядка в многополярную систему, ограничивающую доминирование Запада. Эти стратегические взгляды вытекают из давних геополитических представлений, отражённых в Доктрине Примакова, а также в официальной риторике и действиях, направленных на создания сфер влияния, противодействие расширению НАТО и углубление связей с незападными странами.

Геополитические и идеологические основы экспансионистской стратегии России

Для полного понимания конечных результатов и целей российской политики необходимо рассмотреть факторы геополитики и истории, на основе которых возникают эти результаты и цели. Геополитика и история часто играют важную роль в формировании идеологии наций и государств, что видно на примере возникновения идеологий коммунизма, фашизма и нацизма. Геополитические реалии и исторический опыт позволяют понять факторы, определяющие внешнюю политику и стратегические действия России. На российскую стратегическую политическую культуру и менталитет

¹¹ «*La guerre est dans les gènes des Russes* » : un entretien inédit avec Sergueï Karaganov, l'architecte de la géopolitique de Poutine, *Le Grand Continent*, June 7, 2025, <https://legrandcontinent.eu/fr/2025/06/07/entretien-avec-serguei-karaganov-larchitecte-de-la-geopolitique-de-poutine/>.

¹² *Le Grand Continent*, un entretien inédit avec Sergueï Karaganov.

¹³ Президент России, Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции 2007.

влияло историческое наследие и длительные геополитические ограничения.

Эти факторы во многом способствовали появлению нынешнего путинского режима и продолжают определять основные принципы современной внешней политики России. Как отмечает Джордж Фридман, Россия сталкивается с извечной геополитической проблемой: уязвимостью, обусловленной протяжёнными незащищёнными границами, ограниченным доступом к мировым морским торговым путям и хронической отсталостью инфраструктуры.¹⁴ В своем анализе Фридман утверждает, что историческая экспансия России – от скромного Княжества Московского до крупнейшей в мире сухопутной империи – была обусловлена прежде всего геополитическими императивами. С точки зрения Кремля, постоянная нестабильность подтолкнула его правителей к созданию буферных зон вдоль уязвимых границ России. Расширяющееся государство не только поглощало эти территории, но часто русифицировало их для укрепления своей власти. Сегодня Кремль продолжает считать восстановление «защищаемой» сферы влияния стратегической необходимостью. Однако его экспансионистские амбиции постоянно сдерживает внешнее сопротивление и внутренние структурные слабости. По мнению Фридмана, это постоянное напряжение проистекает не так из идеологии, как из географии, которая продолжает формировать стратегическое поведение и национальное самосознание России.¹⁵

Кто-то может спросить: действительно ли идеология не влияет на политику нынешнего кремлёвского режима? Ведь нарративы «цивилизационной миссии», антизападная политика и неоимперское сознание глубоко укоренились в риторике и практике.¹⁶

Анализ заявлений Путина и его ближайшего окружения может дать ответ на вопросы о роли идеологии. Многие речи Владимира Путина и официальные заявления Кремля содержат идеологические моменты, переключаясь или отражая взгляды таких российских мыслителей, как Иван Ильин и Александр Дугин, а также политтехнологов, включая бывшего офицера КГБ, ныне – профессора политологии Игоря Панарина и бывшего советника и спичрайтера Путина Владислава Суркова.

В то время как Дугин предлагает цивилизационно-геополитическое обоснование роли России в мире,¹⁷ другие, в частности, Сурков и Панарин,

¹⁴ George Friedman, "The Geopolitics of Russia: Permanent Struggle," STRATFOR, October 15, 2008. Сокращённый вариант – <https://worldview.ranenet.com/content/article/geopolitics-russia-permanent-struggle>.

¹⁵ Friedman, "The Geopolitics of Russia: Permanent Struggle."

¹⁶ Кремлёвские пропагандисты постоянно говорят об этом, что заметили многие авторы, среди которых я бы выделил Елену Снигирь. Olena Snigyr, "Putinism and Russian Ideological Shifts," Foreign Policy Research Institute, September 3, 2024, <https://www.fpri.org/article/2024/09/putinism-and-russian-ideological-shifts/>.

¹⁷ Marcin Skladanowski, "Russia's Mission in Aleksandr G. Dugin's Eyes: The Ideological Weaknesses of the Soviet Union and the Future Ideology of the Russian Federation,"

оказывают прямое влияние на политику, особенно в стратегическом и информационном мышлении. Объединяет их то, что, по их мнению¹⁸:

- Россия – самобытная страна, не относящаяся к западной цивилизации, согласно теории евразийства;
- Необходимо противостоять либеральному международному порядку (антизападные нарративы, в том числе о «моральном упадке» и однополярности);
- Стратегический суверенитет оправдывает решительные агрессивные действия.

Панарин продвигал идею «Евразийской Руси», как проект глобального развития России – общую национальную идею русского и союзных ему народов Евразии. Россия должна быть ядром евразийской интеграции и хранителем её «традиционных духовных ценностей».¹⁹

На нынешнюю политическую идеологию России также повлиял русский философ и националистический мыслитель начала XX века Иван Ильин (1883-1954), чьё антилиберальное видение и прославление Российской империи и православных ценностей прямо перекликаются с темами идеологии фашизма. Он выступал за духовный, основанный на православных принципах русский национализм, верил в мессианское предназначение России и её роль уникальной цивилизации, оппонировал западному либерализму и социализму. «Итальянский фашизм по римски выразил то, на чём веками стояла Россия», – писал он в 1948 году²⁰.

По словам Тимоти Снайдера, Иван Ильин предложил метафизическую и моральную основу политического тоталитаризма, выразив её через практические черты фашистского государства.²¹ Снайдер заметил и то, что в нынешней России идеи Ильина оживил и активно продвигает Владимир Путин. «Я верю в духовные силы русского народа. Я верю в его духовную уникальность, в его духовный дар, в особый путь его исторического бытия. Я верю в духовную миссию русского народа», – цитировал Путин Ивана Ильина, выступая перед Федеральным собранием в 2012 году.²²

TRAMES. A Journal of the Humanities and Social Sciences 23, no. 3 (2019): 309-322, <https://doi.org/10.3176/tr.2019.3.03>.

¹⁸ Владислав Сурков, «Долгое государство Путина», *Независимая газета*, 11.02.2019, https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.

¹⁹ Игорь Панарин, «От Единой России к Евразийской Руси», *KM.RU*, 12.01.2006, <https://www.km.ru/glavnoe/2006/01/12/strategii-razvitiya-rossii/ipanarin-ot-edinoi-rossii-k-evraziiskoi-rusi>.

²⁰ Timothy Snyder, *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America* (New York: Crown, 2018), с. 16.

²¹ Timothy Snyder, "Ivan Ilyin, Putin's Philosopher of Russian Fascism," *The New York Review of Books*, March 16, 2018, <https://www.nybooks.com/online/2018/03/16/ivan-ilyin-putins-philosopher-of-russian-fascism/>.

²² Snyder, *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*, 17-18.

Таким образом, политику современной России скрепляет идеологическая оболочка, которую часто называют российским фашизмом, или, как сейчас говорят, «рашизм».²³ Идеология фашизма также нашла отражение в усилении тоталитарного режима в России во время войны с Украиной, а также в идеологии, культивируемой кремлёвской пропагандой для укрепления власти Путина.

Анализируя идеологические основы стратегии российской экспансии, необходимо учитывать концепцию «Русского мира». Одним из её главных творцов и сторонников является Патриарх Русской православной церкви Кирилл, который легитимизирует и подкрепляет усилия Кремля по восстановлению и упрочению сферы неоимперского влияния России.²⁴ Концепция «Русского мира» рассмотрена в работе Джеффри Манкоффа «Империи Евразии: как имперское наследие формирует международную безопасность»,²⁵ в которой автор анализирует роль «Русского мира» в формировании неоимперской идеологии России и влиянии на её нынешнюю внешнюю политику. Манкофф объясняет, что «Русский мир» (наряду с понятиями «соотечественников» и «Святой Руси») – это не просто культурная или лингвистическая идея, а цивилизационный нарратив, призванный оформить более широкое духовное, историческое и политическое единство всех людей, приверженных русскому языку, православию (особенно Московскому патриархату) и общей исторической памяти о Российской Империи и Советском Союзе.²⁶ На этой идеологической базе строится российская агрессия в Украине, Грузии и других соседних странах, отрицающая международный порядок, сложившийся после холодной войны. Через средства массовой информации, религиозные организации и сети диаспоры идеология «Русского мира» также выступает инструментом мягкой силы и культурного влияния. В целом, Манкофф считает эту идеологическую концепцию ключевым фактором региональной нестабильности и опасным вызовом современным нормам международной безопасности.²⁷

Если коротко, имперскую экспансию России лучше всего объяснять длительными геополитическими ограничениями и целенаправленно созданной идеологической системой. Согласно аргументам Джорджа Фридмана, географическое положение и структурная уязвимость остаются основными

²³ Timothy Snyder, "The War in Ukraine Has Unleashed a New Word," *The New York Times*, April 22, 2022, www.nytimes.com/2022/04/22/magazine/ruscism-ukraine-russia-war.html.

²⁴ Andrei Desnitsky, "The 'Russian World': The Birth of a Mythologeme," Free University Press, December 12, 2023, <https://doi.org/10.55167/4b8842caee76>.

²⁵ Jeffrey Mankoff, *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022), 25, 41.

²⁶ Mankoff, *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*, 30-31.

²⁷ Mankoff, *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*, 42-43.

факторами, влияющими на стратегические действия России, вынуждая государство стремиться к созданию буферных зон и внешнему контролю ради безопасности. Эти геополитические потребности важнее идеологии, они определяют основные цели внешней политики России. Однако идеология играет решающую, хотя и второстепенную, роль в достижении этих целей. Идеология является не основным мотивом экспансии, а прежде всего средством: она оправдывает геополитические шаги, облегчает мобилизацию общества и укрепляет стабильность режима. Эта модель была очевидна в советский период, когда коммунизм служил универсальным оправданием имперского контроля, и вновь проявилась при Путине, как взлелеянное государством русское шовинистично-имперское мировоззрение («рашизм»).

Формирование современной идеологии во многом определялось российскими силовыми ведомствами, в частности, КГБ и его преемником ФСБ, а также лояльными режиму деятелями, включая экспертов по безопасности, учёных, политтехнологов и Русскую православную церковь. Её цель состоит не столько в том, чтобы направлять политику на основе подлинных убеждений, сколько в идеологическом сплочении, оправдании экспансионистской политики и содействии внутренней мобилизации в поддержку режима.

Трудно однозначно сказать, верят ли на самом деле российские политические лидеры и элита в эту идеологию в доктринальном смысле. Однако они активно используют её как инструмент управления. В этом смысле идеология функционирует не как мотиватор, а скорее, как «клей», скрепляющий политическую систему. Геополитика, наряду с историческим наследием (включая российское видение истории), во многом определяет стратегические императивы России, в то время как идеология даёт систему нарративов, делающую эти императивы политически устойчивыми. Без подобной идеологической конструкции нынешней российской политической системе было бы сложно поддерживать внутреннюю сплочённость и долгосрочную устойчивость. Этот вывод в основном совпадает с анализом Марлен Ларуэль и дополняет его. Она утверждает, что русский национализм функционирует как сложный, многоуровневый идеологический репертуар, проистекающий из географии, истории и религии, и используется в первую очередь как сконструированный инструментальный нарратив, основанный на геополитических целях, а не как единообразно усвоенная система убеждений.²⁸

²⁸ Marlene Laruelle, *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields* (London: Routledge, 2018), <https://doi.org/10.4324/9780429426773>.

Война с Украиной как стратегический инструмент реставрации Российской Империи

Война с Украиной, начатая гибридными методами в 2014 и переросшая в полномасштабное военное вторжение в 2022 году, стала поворотным этапом в более широкой стратегии России по восстановлению своего имперского влияния. Эту войну следует рассматривать не как самоцель, а скорее, как стратегическое средство достижения долгосрочной цели: восстановления статуса России, как доминирующей имперской державы, особенно в Евразии и Европе. Как метко заметил в 1994 году Збигнев Бжезинский: «Нельзя переоценить тот факт, что без Украины Россия перестаёт быть империей, но с подчинением Украины Россия становится империей автоматически».²⁹

Обоснования российским диктатором Путиным войны против Украины янее всего иллюстрируют стратегические цели Кремля и идеологические основы, раскрытые в предыдущем разделе. На это указывают три ключевых момента. Во-первых, это эссе Путина от июля 2021 года «Об историческом единстве русских и украинцев», в котором утверждалось, что Украина не является полноценным государством, а русские и украинцы – «один народ».³⁰ Там же было заявлено, что современная Украина существует прежде всего благодаря историческим «ошибкам» и «вмешательству Запада», которые необходимо исправить. В этом эссе многие увидели идеологический фундамент возобновления имперской экспансии. Во-вторых, это речь Путина от 21 февраля 2022 года, ещё до признания «Донецкой и Луганской республик»,³¹ в которой отрицается украинская государственность и суверенитет, Украина предстаёт «инструментом Запада», нацеленным против России, и заложен риторический и политический фундамент для последующего военного вторжения. Третье – объявление так называемой «специальной военной операции» 24 февраля 2022 года, где война рассматривалась в контексте «демилитаризации и денацификации» Украины, а вторжение представлено как вынужденная оборона, хотя на практике оно было направлено на возвращение Украины в сферу влияния России и демонтаж украинской государственности.

В марте 2025 года, на четвёртом году войны России против Украины, президент США Дональд Трамп выступил с дипломатической инициативой о начале переговоров между Россией и Украиной для достижения мирного

²⁹ Zbigniew Brzezinski, "The Premature Partnership," *Foreign Affairs*, March/April 1994, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1994-03-01/premature-partnership>.

³⁰ Владимир Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев», 12 июля 2021 года, <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

³¹ «Подписание документов о признании Донецкой и Луганской народных республик», Официальный веб-сайт Президента России, 21 февраля 2022, <http://kremlin.ru/events/president/news/67829>.

соглашения или, по крайней мере, прочного прекращения огня. Хотя Кремль официально не отверг эту инициативу, Путин затягивает начало реальных переговоров. Эта неторопливость, по-видимому, преследует более широкие стратегические цели, включая попытки подорвать трансатлантическое единство. В то же время Москва продолжает настаивать на ультимативных требованиях, выдвинутых ещё в конце 2021 года, подтверждая своё неослабное стремление подчинить Украину и восстановить гегемонию России в регионе.³² Общая стратегия Кремля подсказывает, что переговоры вряд ли приведут к прочному миру, если не будут удовлетворены геополитические амбиции России. Учитывая эти амбиции, прекращение войны не на условиях путинского режима будет означать отступление от его конечной цели – расширения имперской власти России. Поскольку Кремль не может достичь политических целей войны, экономика страны находится в упадке, сотни тысяч молодых людей гибнут на фронте, а эмиграция, санкции и изоляция усугубляют ситуацию, между различными центрами власти может возникнуть напряжённость, способная привести к падению нынешнего режима.³³ Судя по некоторым подцензурным сообщениям из России, за кулисами звучит идея о необходимости остановить войну, пока не поздно, чтобы избежать катастрофических последствий для российского государства.³⁴

Однако Путин не раз заявлял, что любое мирное соглашение с Украиной должно разрешить, по его словам, «глубинные причины кризиса». К ним относятся нейтралитет Украины, отказ от членства в НАТО, вывод украинских войск с территорий, на которые претендует Россия, официальное признание суверенитета России над аннексированными регионами и защита русскоязычного населения.³⁵ Эти требования отражают более широкую цель Кремля – восстановление имперского влияния на Украину и изменение регионального порядка в интересах России.

³² Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора, Министерство иностранных дел Российской Федерации, 17.12.2021 г., <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1790803/>; Vladimir Isachenkov, Lorne Cook, “Russia Sets Out Tough Demands for Security Pact with NATO,” *AP News Agency*, December 17, 2021, <https://apnews.com/article/business-europe-russia-ukraine-moscow-6f0b3cf18eba2bfa8ec4ee6d209eee74>.

³³ Max Bergmann, “What Could Come Next? Assessing the Putin Regime’s Stability and Western Policy Options,” Center for Strategic & International Studies (CSIS), January 20, 2023, www.csis.org/analysis/what-could-come-next-assessing-putin-regimes-stability-and-western-policy-options.

³⁴ Ольга Шевченко, «Слабое звено: хотят ли генералы Путина прекращения войны в Украине», *Focus.ua*, 01.11.2025, <https://focus.ua/voennye-novosti/730971-slaboe-zveno-hotyat-li-general-putina-prekrashcheniya-voyny-v-ukraine>.

³⁵ Lauren Kent, “The Stark Divide between What Putin Said and What He Meant,” *CNN*, March 14, 2025, <https://edition.cnn.com/2025/03/14/europe/putin-ceasefire-analysis-intl>.

Стремление Кремля лишить Украину суверенитета зиждется на имперском фундаменте – идеологическом и геополитическом, – что, по мнению Кремля, легитимирует и подкрепляет его стратегические цели. Для оправдания агрессии России против Украины используется и кремлёвское видение истории. Можно вспомнить слова Путина 2009 года, когда он назвал распад Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой XX века».³⁶ Это утверждение отражает более широкий нарратив о постсоветском порядке, как исторической аномалии, которую необходимо исправить. Этот взгляд вытекает из представлений об «исторической миссии» России – вернуть себе «законное место великой державы» и восстановить влияние на территориях бывшего Советского Союза и царской империи.³⁷

Война России против Украины – это не только военная агрессия против суверенного государства, но и стратегический инструмент долгосрочного проекта реставрации имперской России. Он сочетает исторический реваншизм и геополитические амбиции по переформатированию европейского порядка после Холодной войны. Понимание войны через эту имперскую призму показывает угрозу, которую российский режим представляет не только для Украины, но для стабильности всей Европы и международного порядка в целом.

Стратегические доктрины и официальные источники – о заявленных целях

Проанализировав стратегические взгляды, идеологические и геополитические резоны российского режима, необходимо рассмотреть основные официальные документы, определяющие цели российской внешней политики и средства их достижения. Эти документы позволяют понять долгосрочные планы Москвы и пути их реализации.

Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 года

В этом документе изложены взгляды на пересмотр международного порядка, из которых проистекают реваншистские устремления Кремля.³⁸ Россия названа «самобытным государством-цивилизацией», историческая миссия которого – защитить многополярный мир от «гегемонии Запада». Документ вводит понятие цивилизационного разлома, позиционируя Россию как «защитника традиционных ценностей» и суверенный центр в постзападной глобальной системе. Заявлено о праве Москвы возглавить интеграцию на постсоветском пространстве и расширено понятие «Русского

³⁶ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005, Официальный веб-сайт Президента России, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.

³⁷ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации.

³⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, Министерство иностранных дел Российской Федерации, 31.03.2023, www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/.

мира», использующее исторические и культурные связи для оправдания политического влияния. Отмечая переход от дипломатического реагирования к упреждающему идеологическому противодействию, документ подчёркивает намерение России перестроить геополитическую архитектуру Евразии в соответствии со своим имперским наследием.

Стратегия национальной безопасности 2021 года

Эта стратегия представляет собой заметное ужесточение стратегического мировоззрения Кремля.³⁹ В ней выделены суверенитет, «духовные и моральные ценности» и «цивилизационная идентичность» России как ключевые элементы национальной безопасности. Запад изображён главным источником культурной и политической угрозы, укрепляя образ России – осаждённой крепости. Стратегия делает акцент на стратегических императивах внутренней сплочённости и защиты «традиционных русских ценностей», тем самым возводя идеологию и культурную безопасность в ранг инструментов государственного управления. Акцент на защите «Русского мира» и влиянии на соседние постсоветские государства свидетельствует о намерении вернуть себе региональное доминирование. Общий нарратив рассматривает агрессивную внешнюю политику как форму защиты и обороны, встраивая экспансионистские цели в доктрину национального выживания.

Военная доктрина Российской Федерации 2014 года

Доктрина служит рабочей основой геополитических амбиций Москвы.⁴⁰ Будучи официально оборонительной по своему тону, она расширяет концепцию современной войны, включая в неё гибридные тактики, такие, как информационная война, кибероперации, психологическое манипулирование и использование прокси. Расширение НАТО и влияние Запада на постсоветском пространстве определяются как основные угрозы, что легитимизирует превентивные и асимметричные меры. Доктрина также подтверждает право России на применение силы за рубежом для защиты своих граждан и соотечественников – этот аргумент был использован для оправдания интервенции в Украине и Грузии. Размывая границы между войной и миром, а также между внутренними и внешними угрозами, доктрина позволяет проводить военные авантюры, направленные на восстановление влияния Москвы в «ближнем зарубежье».

³⁹ Совет Безопасности Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, 2 июня 2021, <http://scrf.gov.ru/security/docs/document133/>.

⁴⁰ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976), <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/>.

Так называемая «Доктрина Медведева»

Объявленная президентом Дмитрием Медведевым 31 августа 2008 года, после русско-грузинской войны, доктрина определяет пять основных принципов российской внешней политики.⁴¹ Главный из них – приоритет защиты российских граждан за рубежом и защита «привилегированных интересов» в определённых регионах. Несмотря на упоминание в увязке с соблюдением международного права и многополярностью, эти заявления в целом считают риторикой, оправдывающей активную реваншистскую политику.

Новая редакция Стратегии национальной безопасности, которая должны выйти к концу 2025 года под руководством секретаря Совета безопасности Сергея Шойгу,⁴² отмечает необходимость реагирования на «необычайно высокую динамику» мировых событий и рост напряжённости в отношениях с Западом. Предложенные изменения, вероятно, отразят намерение России занять ещё более активную позицию, адаптируя стратегию к новым угрозам и одновременно реализуя долгосрочные геополитические цели.

Эти стратегические документы вместе указывают на последовательные и всё более активные усилия Москвы по перестройке архитектуры безопасности после Второй мировой войны и укреплению своей роли в международной системе. Столкновение цивилизаций, так называемый национальный суверенитет и идеологическое противостояние, отмеченные в российских стратегических документах, отражают системную перестройку российской политики, направленную на укрепление имперского влияния, противодействие доминированию Запада и усиление мощи России в Европе.

Инструменты влияния Кремля

Реализуя свои реваншистские цели и восстанавливая доминирование России в мире и регионе, Кремль использует различные инструменты, сочетая традиционные и нетрадиционные рычаги влияния. Эти инструменты – не просто тактика, а неотъемлемая часть долгосрочных стратегических взглядов России, нацеленная на перестройку международного порядка в соответствии с интересами и идеологией Москвы, описанными выше.

Военная мощь: применение «жёсткой силы» и ядерный потенциал

Российская армия остается краеугольным камнем архитектуры влияния государства. Её задачи включают не только оборону, но и принуждение, запугивание и демонстрацию геополитических сигналов. Вторжения в Грузию в

⁴¹ George Friedman, “The Medvedev Doctrine and American Strategy,” RANE Network, September 2, 2008, <https://worldview.ranenetwork.com/content/article/medvedev-doctrine-and-american-strategy>.

⁴² “Russian Security Council Prepares to Update National Security Strategy – Head,” TASS Russian News Agency, April 25, 2025, <https://tass.com/politics/1949137>.

2008 году, Крым и Восточную Украину в 2014 году, а также полномасштабная война против Украины в 2022 году показали, как военную силу используют для изменения политических реалий, запугивания соседних государств и расширения влияния России в так называемой сфере привилегированных интересов. Главное место здесь занимает российская ядерная доктрина, допускающая применение ядерного оружия в ответ на неядерные угрозы.⁴³ Стратегическая неопределённость касательно ядерного порога Москвы служит силовым сигналом, направленным на усложнение принятия решений на Западе и, соответственно, расширение свободы действий России.⁴⁴

Гибридная война – от дезинформации до диверсий

Подход России к современным конфликтам включает интеграцию в её стратегию невоенных инструментов. Тактика гибридной войны – от кибератак и спланированных кампаний дезинформации до диверсий – призвана дестабилизировать общество, повлиять на общественное мнение и ослабить демократические институты.⁴⁵ Используя расслоение общества и избирательные процессы в странах Запада, Кремль стремится подорвать доверие к государственной власти и ослабить трансатлантическое единство.⁴⁶ Эти операции часто проводятся через сеть государственных СМИ, разведслужбы и прокси, включая криминалитет.

Применение гибридных (нетрадиционных) методов и средств ведения войны является одним из приоритетов при реализации стратегических целей Кремля. Ещё в 2013 году начальник Генерального штаба Вооружённых сил РФ генерал Валерий Герасимов выделил «новые формы и методы ведения боевых действий», представив комплексный подход, сочетающий военную силу с нетрадиционными (гибридными) средствами достижения политических целей.⁴⁷ Эта концепция известна на Западе, как «доктрина гибридной войны Герасимова». Россия применила эту доктрину на практике

⁴³ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, 03.12.2024, https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/.

⁴⁴ Dmitry Adamsky, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2019).

⁴⁵ Ben Heap, Pia Hansen, Monika Gill, *Strategic Communications Hybrid Threats Toolkit: Applying the Principles of NATO Strategic Communications to Understand and Counter Grey Zone Threats* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2021), <https://stratcomcoe.org/publications/strategic-communications-hybrid-threats-toolkit/213>.

⁴⁶ U.S. Department of State, “GEC Special Report: Pillars of Russia’s Disinformation and Propaganda Ecosystem” (Washington, D.C.: Global Engagement Center, August 2020), <https://2017-2021.state.gov/russias-pillars-of-disinformation-and-propaganda-report/>.

⁴⁷ Валерий Герасимов, “Ценность науки в предвидении: Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий”, *Военно-промышленный курьер*, № 8 (476), 27 февраля – 5 марта 2013 года.

во время оккупации украинского Крыма в 2014 году и в ходе последующей агрессии в Донбассе и против Украины в целом.

Также стоит отметить вышедшую в Москве в 2024 году книгу «От сдерживания к устрашению», основанную на докладе для кремлёвского руководства.⁴⁸ В докладе политическому руководству России предлагается, помимо обычных вооружённых сил (используемых для сдерживания, с российской точки зрения) и ядерного оружия (служащего для устрашения), также использовать стратегию геополитического сдерживания. Суть этого подхода заключается во влиянии на западные общества, что на Западе обычно называют гибридной войной. Акцент сделан на одновременном применении всех трёх методов сдерживания (включая ядерное устрашение) при активном геополитическом сдерживании (т. е. использовании нетрадиционных мер гибридной войны) для создания «зоны безопасности» вокруг России.⁴⁹ По мнению авторов, Россия утратила влияние в «ближнем зарубежье» в 1990-х годах, потому что не смогла добиться достаточного геополитического сдерживания.⁵⁰

Энергетический рычаг: стратегический инструмент экономики

Энергетические ресурсы, особенно природный газ и нефть, долгое время играли важную роль во внешней политике России. Через государственные компании, такие, как «Газпром», Кремль добивался зависимости Европы от российского газа, используя энергетические контракты и цены в качестве инструментов принуждения и влияния.⁵¹ И хотя после вторжения России в Украину Европейский Союз диверсифицировал источники энергии, Москва продолжает использовать энергетические связи с другими регионами, особенно с Китаем и Индией, в рамках своей глобальной стратегии.⁵² В то же время Россия избирательно поддерживает энергетические связи с рядом стран ЕС, такими, как Венгрия и Словакия, предлагая им выгодные условия в обмен на более нейтральную или прокремлёвскую позицию в Евросоюзе.⁵³ Эти договоренности вбивают геополитический клин, подрывая трансатлантическое единство и позволяя Москве оказывать политическое давление внутри европейского блока.

⁴⁸ Высшая школа экономики. От сдерживания к устрашению / Дмитрий Тренин, Сергей Авакянц, Сергей Караганов. — М.: Молодая гвардия, 2024.

⁴⁹ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов, 9-10, 19-20.

⁵⁰ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов, 19.

⁵¹ Thane Gustafson, *The Bridge: Natural Gas in a Redivided Europe* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020).

⁵² International Energy Agency, *World Energy Outlook 2023* (Paris: IEA, 2023), <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2023>.

⁵³ "Slovakia and Hungary Reject EU Plan to Phase out Russian Gas by End-2027," *Reuters*, May 7, 2025, <https://www.reuters.com/business/energy/slovakia-rejects-eu-plan-phase-out-russian-gas-by-end-2027-2025-05-07/>.

Дипломатические манёвры: многосторонность как средство разобщения

Дипломатическая стратегия России направлена на уравнивание влияния Запада путём развития альтернативных международных союзов. Укрепление связей с Китаем, усиление БРИКС и расширение присутствия в Африке и Латинской Америке способствуют продвижению многополярного мирового порядка.⁵⁴ Эти дипломатические усилия отражают идеологическую цель Москвы – делигитимизировать западные нормы и укрепить «антигегемонистскую коалицию».

В предложениях, представленных Кремлю Трениным и его командой, особое внимание уделено необходимости развития тесных партнёрских связей России с Китаем и координации действий в различных регионах, особенно на Ближнем Востоке, в Центральной и Восточной Азии.⁵⁵ Акцент сделан на сотрудничестве с Китаем в военно-стратегической, военно-технической сферах, логистике и кибербезопасности.

На практике Россия использует дипломатию не только для противостояния странам Запада, но и для объединения группы стран, выступающих против западного доминирования. Она делает это, укрепляя связи с авторитарными режимами, продвигая альтернативные модели управления и участвуя в многосторонних форумах, таких как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества. Россия укрепила партнёрство с Китаем и Ираном, поддерживает африканские правительства военной помощью и энергетическими сделками, а также расширила свое влияние в Латинской Америке благодаря антизападным нарративам. Эти действия направлены на подрыв позиций Соединенных Штатов и других западных стран в мире, представляя Россию ключевым архитектором нового многополярного международного порядка.⁵⁶

Культурные и исторические нарративы: история как инструмент империи

Как показано в этой статье, идеология «Русского мира» представляет Россию «хранителем более широкой цивилизационной общности», охватывающей русскоязычное население и православных христиан на постсоветском пространстве. Эта концепция, продвигаемая российским государством в тесном сотрудничестве с московской православной церковью, в первую очередь преследует практические цели: она обеспечивает идеологическую легитимность геополитическому вмешательству за рубежом и поддерживает внутреннюю мобилизацию, не будучи укоренившейся системой убеждений политической элиты.

⁵⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, IV, 18.4.

⁵⁵ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов, 22.

⁵⁶ Alexander Korolev, "Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications," *Pacific Affairs* 89, no. 1 (2016): 53-73, <https://doi.org/10.5509/201689153>.

С этой идеологией тесно связана политизация и переписывание истории, используемые Кремлём для легитимации своих территориальных амбиций и отрицания исторической субъектности соседей, в частности, Украины. Ключевым элементом этого нарратива является возрождение имперских названий, таких как «Малороссия» (в противоположность Великой России) и «Новороссия», представляющих Украину не как суверенное государство, а как фрагмент более крупного российского целого.⁵⁷ Такое переосмысление истории подкрепляет утверждение Кремля о том, будто современная Украина – искусственное образование, а её земли исторически «принадлежат» России.

Доктрина «Третьего Рима» добавляет к этим территориальным претензиям духовное измерение. Эта идея, выросшая из византийской религиозной традиции, изображает Москву «законным правопреемником Рима и Константинополя» – последним оплотом истинного православия и христианской цивилизации.⁵⁸ Этот взгляд поддерживают церковные иерархи, такие как Патриарх Кирилл, а военные действия России в Украине рассматриваются как часть более широкой метафизической борьбы между западным секуляризмом и «духовной судьбой» России.

Все описанные выше нарративы активно распространяются в государственных СМИ, школьных учебниках, культурных учреждениях и в ходе информационных кампаний за рубежом, укрепляя реваншистское мировоззрение и подготавливая российское общество к длительной конфронтации с Западом и с соседями.⁵⁹

Заключительные размышления

Стратегические действия России – не эпизод и не рефлексия, а часть долгосрочной, идеологически оформленной геополитической стратегии, направленной на восстановление имперской мощи и переформатирование международного порядка.

Эта оценка позволяет сделать вывод о том, что все имеющиеся в распоряжении Кремля инструменты стратегически направлены на достижение Россией конечного политического результата – *восстановление доминирования на территории бывшего Советского Союза и царской империи*. Для достижения этой цели Кремль стремится укрепить возрождённое имперское самосознание и перестроить международный порядок в многополярную систему, противодействующую влиянию западных либеральных демократий. Такое стремление к доминированию не обязательно предполагает

⁵⁷ Путин, «Об историческом единстве русских и украинцев».

⁵⁸ Heather A. Conley, Donatienne Ruy, *The Kremlin Playbook 3* (Bloomsbury, 2022).

⁵⁹ Robert Coalson, “Books to Boots: Critics Say New Russian History Textbook Is Propaganda, Preparation for War,” *Radio Free Europe / Radio Liberty*, August 31, 2023, <https://www.rferl.org/a/russia-history-textbook-propaganda/32572916.html>.

прямой физический контроль над территорией, а скорее установление политического контроля (кремлёвского влияния) в граничащих с Россией странах, прежде всего в Европе.

Это конечное политическое видение и желаемый результат реализуются через целый набор доктрин, политики и гибридных инструментов – военных, идеологических и информационных. Война России с Украиной символична для этого более широкого проекта: это не просто конфликт за территорию, но важный шаг России к разрушению европейской архитектуры безопасности, возникшей после Холодной войны, и восстановлению своего господства в бывшем Советском Союзе и за его пределами. Кремль будет стремиться создать некую «зону безопасности» в граничащих с Россией странах, где он попытается обеспечить как минимум лояльность московскому режиму,⁶⁰ если не абсолютный контроль. Следует отметить, что и в прошлом, и сегодня, под предлогом предполагаемой нестабильности, оправдываемой необходимостью обеспечения национальной безопасности или защиты власти Москвы, территориальная экспансия осуществлялась путём завоеваний и последующей аннексии, часто сопровождавшейся насильственной русификацией населения оккупированных территорий. В Российской Федерации сегодня проживает около 200 этнических групп и национальностей.⁶¹ Вряд ли хоть один этнический регион присоединился к Москве или русскому государству добровольно.

После распада Советского Союза, особенно с приходом к власти Владимира Путина, Россия систематически стремилась к восстановлению и расширению своего доминирования, прежде всего в бывших советских республиках – в Беларуси, Молдове, Закавказье, Средней Азии, а главное – в Украине. За пределами этого постсоветского пространства Москва также распространяла свое влияние на такие страны и регионы, как Ближний Восток (Сирия), Балканы (Сербия), Сахель и Центральная Африка (Мали, ЦАР, Судан), Латинская Америка (Венесуэла, Куба, Никарагуа). Используя целый ряд инструментов, включая экономическое, финансовое влияние, энергозависимость и другие невоенные средства, Кремль стремится вовлечь в свою геополитическую орбиту множество других стран.

Идеологическое и стратегическое постоянство действий России, от противодействия расширению НАТО до укрепления партнёрских связей с Китаем, Северной Кореей и Ираном, отражает целенаправленное стремление подорвать единство Запада и влияние либеральной демократии, а также заменить основанный на правилах международный порядок порядком, основанным на политике силы, региональных сферах влияния и безопасности авторитарных режимов, где либеральные нормы уже не универсальны, но подлежат обсуждению великими державами.

⁶⁰ От сдерживания к устрашению / Тренин, Авакянц, Караганов, 19.

⁶¹ "Russia Demographics Profile," Index Mundi, https://www.indexmundi.com/russia/demographics_profile.html.

Россия использует имперский исторический нарратив и риторику о многополярности не только для оправдания внешней агрессии, но и для поддержания внутреннего единства режима.

Однако во многих странах Запада продолжают видеть в действиях России рефлексии, которые можно обсуждать, не понимая системности и идеологии её амбиций. Такое непонимание делает политическое реагирование запоздалым или недостаточным. Понимание того, что действия России являются элементом долгосрочной имперской многополярной стратегии, позволяет нам по-иному взглянуть на проблему: это уже не серия отдельных кризисов, а системная угроза. Запад должен расстаться с иллюзией о нормализации и готовиться к длительному стратегическому соперничеству, признав, что конечная политическая цель России принципиально несовместима с либерально-демократическим порядком.

Западу необходима стратегическая ясность и он должен реагировать не только краткосрочными действиями, но и чёткой долгосрочной стратегией – укрепляя альянсы, помогая уязвимым странам, повышая устойчивость и противостоя идеологической риторике России.

Примечание

Мнения, выводы, заключения и рекомендации в данной публикации принадлежат автору и могут не отражать официальную политику или позицию Консорциума «Партнёрство ради мира», организаций-участниц и любых правительственных или международных организаций, связанных с его руководящими структурами.

Об авторе

Полковник запаса **Гинтарас Багдонас** – литовский специалист по безопасности и обороне с опытом военного руководства, разведки, работы в институтах НАТО и ЕС, а также международной консультативной деятельности. В настоящее время он является главным советником Балтийского института передовых технологий и приглашённым экспертом Центра геополитики и исследований безопасности в Вильнюсе, Литва.

Будучи на военной службе, занимал руководящие и командные должности, в том числе – директора Второго следственного управления (военной разведки и безопасности) Литвы, директора разведки в Военном штабе ЕС и коменданта Военной академии Литвы им. генерала Йонаса Жемайтиса. Также был директором Центра передового опыта НАТО в области энергетической безопасности и офицером связи НАТО на Южном Кавказе. Как дипломат и специалист по урегулированию кризисов, был советником-посланником и главой Специальной миссии Литвы в Афганистане, работал в миссии ЕС по реагированию на кризисы в Украине.

Библиография

- “Agreement on Measures to Ensure the Security of the Russian Federation and Member States of the North Atlantic Treaty Organization,” Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, December 17, 2021, https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/?lang=en.
- “Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation,” April 25, 2005, The Kremlin, Moscow, archived from the original website on May 24, 2009, accessed June 1, 2025, https://web.archive.org/web/20090524042631/http://www.kremlin.ru/eng/speeches/2005/04/25/2031_type70029type82912_87086.shtml.
- “Fundamentals of State Policy of the Russian Federation on Nuclear Deterrence,” December 3, 2024, https://www.mid.ru/en/foreign_policy/international_safety/1434131/.
- “National Security Strategy of the Russian Federation,” Security Council of the Russian Federation, June 2, 2021, <http://scrf.gov.ru/security/docs/document133/>. – in Russian
- “NATO 2022 Strategic Concept,” NATO, updated March 3, 2023, https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_210907.htm.
- “Russia Demographics Profile,” Index Mundi, https://www.indexmundi.com/russia/demographics_profile.html.
- “Russian Security Council Prepares to Update National Security Strategy – Head,” TASS Russian News Agency, April 25, 2025, <https://tass.com/politics/1949137>.
- “Signing of Documents Recognising Donetsk and Lugansk People’s Republics,” President of Russia Official Website, February 21, 2022, <http://en.kremlin.ru/events/president/news/67829>.
- “Slovakia and Hungary Reject EU Plan to Phase out Russian Gas by End-2027,” *Reuters*, May 7, 2025, <https://www.reuters.com/business/energy/slovakia-rejects-eu-plan-phase-out-russian-gas-by-end-2027-2025-05-07/>.
- “The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation,” The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, March 31, 2023, https://mid.ru/en/foreign_policy/fundamental_documents/1860586/.
- “The Military Doctrine of the Russian Federation,” approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. Pr.-2976, https://rusmilsec.blog/wp-content/uploads/2021/08/mildoc_rf_2014_eng.pdf.
- Adamsky, Dmitry, *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2019).
- Bergmann, Max, “What Could Come Next? Assessing the Putin Regime’s Stability and Western Policy Options,” Center for Strategic & International Studies (CSIS),

January 20, 2023, www.csis.org/analysis/what-could-come-next-assessing-putin-regimes-stability-and-western-policy-options.

Brzeziński, Zbigniew, "The Premature Partnership," *Foreign Affairs*, March/April 1994, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1994-03-01/premature-partnership>.

Coalson, Robert, "Books to Boots: Critics Say New Russian History Textbook Is Propaganda, Preparation for War," *Radio Free Europe / Radio Liberty*, August 31, 2023, <https://www.rferl.org/a/russia-history-textbook-propaganda/32572916.html>.

Conley, Heather A., and Donatienne Ruy, *The Kremlin Playbook 3* (Bloomsbury, 2022).

Delong, Marek, "The Concept of Russian Federation Foreign and Security Policy by Eugene Primakov," *Internal Security* 12, no. 1 (2020): 307-318, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0014.3205>.

Desnitsky, Andrei, "The 'Russian World': The Birth of a Mythologeme," Free University Press, December 12, 2023, <https://doi.org/10.55167/4b8842caee76>.

Friedman, George, "The Geopolitics of Russia: Permanent Struggle," STRATFOR, October 15, 2008. A shortened version at <https://worldview.ranenetwork.com/content/article/geopolitics-russia-permanent-struggle>.

Friedman, George, "The Medvedev Doctrine and American Strategy," RANE Network, September 2, 2008, <https://worldview.ranenetwork.com/content/article/medvedev-doctrine-and-american-strategy>.

Gerasimov, Valery, "New Challenges Require a Rethinking of the Forms and Methods of Warfare" (in Russian), *Military-Industrial Courier* (Военно-промышленный курьер), No 8 (476), 27 February – 5 March, 2013.

Gustafson, Thane, *The Bridge: Natural Gas in a Redivided Europe* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2020).

Heap, Ben, Pia Hansen, and Monika Gill, *Strategic Communications Hybrid Threats Toolkit: Applying the Principles of NATO Strategic Communications to Understand and Counter Grey Zone Threats* (Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2021), <https://stratcomcoe.org/publications/strategic-communications-hybrid-threats-toolkit/213>.

Herd, Graeme P., "Understanding Russia's Global Reach," in *Russia's Global Reach: A Security and Statecraft Assessment*, ed. Graeme P. Herd (Garmisch-Partenkirchen: George C. Marshall European Center for Security Studies, 2021), 1-8, www.marshallcenter.org/en/publications/marshall-center-books/russias-global-reach/chapter-1-understanding-russias-global-reach.

International Energy Agency, *World Energy Outlook 2023* (Paris: IEA, 2023), <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2023>.

- Interview with Sergey Karaganov (in French), « La guerre est dans les gènes des Russes » : un entretien inédit avec Sergueï Karaganov, l'architecte de la géopolitique de Poutine, *Le Grand Continent*, June 7, 2025, <https://legrandcontinent.eu/fr/2025/06/07/entretien-avec-serguei-karaganov-larchitecte-de-la-geopolitique-de-poutine/>.
- Isachenkov, Vladimir, and Lorne Cook, "Russia Sets Out Tough Demands for Security Pact with NATO," *AP News Agency*, December 17, 2021, <https://apnews.com/article/business-europe-russia-ukraine-moscow-6f0b3cf18eba2bfa8ec4ee6d209eee74>.
- Karaganov, Sergei, "We Are at War with the West. The European Security Order Is Illegitimate," Russian International Affairs Council (RIAC), April 15, 2022, <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/comments/we-are-at-war-with-the-west-the-european-security-order-is-illegitimate/>.
- Karaganov, Sergey A., "From the Non-West to the World Majority," *Russia in Global Affairs*, no. 5 (2022): 6-18, <https://karaganov.ru/en/from-the-non-west-to-the-world-majority/>.
- Kent, Lauren, "The Stark Divide between What Putin Said and What He Meant," *CNN*, March 14, 2025, <https://edition.cnn.com/2025/03/14/europe/putin-ceasefire-analysis-intl>.
- Korolev, Alexander, "Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications," *Pacific Affairs* 89, no. 1 (2016): 53-73, <https://doi.org/10.5509/201689153>.
- Laruelle, Marlene, *Russian Nationalism: Imaginaries, Doctrines, and Political Battlefields* (London: Routledge, 2018), <https://doi.org/10.4324/9780429426773>.
- Mankoff, Jeffrey, *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security* (New Haven, CT: Yale University Press, 2022), 25, 41.
- Osborn, Andrew, "Putin Ally Says 'Ukraine Is Russia' and Historical Territory Needs to 'Come Home'," *Reuters*, March 4, 2024, <https://www.reuters.com/world/europe/putin-ally-says-ukraine-is-definitely-russia-rules-out-talks-with-zelenskiy-2024-03-04/>.
- Panarin, Igor, "From United Russia to Eurasian Rus'," *KM.RU*, January 12, 2006, <https://www.km.ru/glavnoe/2006/01/12/strategii-razvitiya-rossii/panarin-ot-edinoi-rossii-k-evraziiskoi-rusi>. – in Russian
- Putin, Vladimir V., "On the Historical Unity of Russians and Ukrainians," Presidential Library, July 12, 2021, <https://www.prilib.ru/en/article-vladimir-putin-historical-unity-russians-and-ukrainians>.

- Putin, Vladimir, "Speech at the 43rd Munich Conference on Security Policy 2007," in *Selected Key Speeches*, Volume I: 2000–2009, edited by Benedikt Franke (Hamburg, Mittler, 2025), 142–162, <https://securityconference.org/en/publications/books/selected-key-speeches-volume-i/2000-2009/speech-vladimir-putin-2007>.
- Rumer, Eugene, "The Primakov (Not Gerasimov) Doctrine in Action," The Carnegie Endowment for International Peace, June 5, 2019, <https://carnegieendowment.org/research/2019/06/the-primakov-not-gerasimov-doctrine-in-action>.
- Shevchenko, Olga, "The Weak Link: Do Putin's Generals Want the War in Ukraine to End?" *Focus.ua*, November 1, 2025, <https://focus.ua/voennye-novosti/730971-slaboe-zveno-hotyat-li-general-putina-prekrashcheniya-voiny-v-ukraine>. – in Russian
- Skladanowski, Marcin, "Russia's Mission in Aleksandr G. Dugin's Eyes: The Ideological Weaknesses of the Soviet Union and the Future Ideology of the Russian Federation," *TRAMES. A Journal of the Humanities and Social Sciences* 23, no. 3 (2019): 309–322, <https://doi.org/10.3176/tr.2019.3.03>.
- Snigyr, Olena, "Putinism and Russian Ideological Shifts," Foreign Policy Research Institute, September 3, 2024, <https://www.fpri.org/article/2024/09/putinism-and-russian-ideological-shifts/>.
- Snyder, Timothy, "Ivan Ilyin, Putin's Philosopher of Russian Fascism," *The New York Review of Books*, March 16, 2018, www.nybooks.com/online/2018/03/16/ivan-ilyin-putins-philosopher-of-russian-fascism/.
- Snyder, Timothy, "The War in Ukraine Has Unleashed a New Word," *The New York Times*, April 22, 2022, www.nytimes.com/2022/04/22/magazine/ruscism-ukraine-russia-war.html.
- Snyder, Timothy, *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America* (New York: Crown, 2018), 16 p.
- Surkov, Vladislav, "The Long State of Putin," *Nezavisimaya Gazeta*, February 11, 2019, https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html. – in Russian
- Trenin, Dmitry V., Sergey I. Avakyan, and Sergey A. Karaganov, *From Deterrence to Intimidation: Nuclear Weapons, Geopolitics, Coalition Strategy*, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Institute of Military Economics and Strategy (Molodaya Gvardiya, Moscow, 2024). – in Russian
- U.S. Department of State, "GEC Special Report: Pillars of Russia's Disinformation and Propaganda Ecosystem" (Washington, D.C.: Global Engagement Center, August 2020), <https://2017-2021.state.gov/russias-pillars-of-disinformation-and-propaganda-report/>.

Wise, Lindsay, and Michael R. Gordon, "Trump Ally Lindsey Graham Pushes Russia Crackdown," *The Wall Street Journal*, April 30, 2025, <https://www.wsj.com/politics/policy/lindsey-graham-russia-sanctions-tariffs-bill-2b3922ee>.